

12+

Сергей Аверин

*НОМО CONCERTUS.
ТВОРЧЕСТВО
В ЭПОХУ
МАШИННОГО
РАЗУМА*

Сергей Аверин

**Ното concertus. Творчество
в эпоху машинного разума**

«Издательские решения»

Аверин С.

Номо conceptus. Творчество в эпоху машинного разума /
С. Аверин — «Издательские решения»,

Мы на пороге революции в творчестве, сравнимой с изобретением письменности. Генеративный ИИ разрушает барьер между идеей и реализацией. Машина берет на себя ремесло, оставляя человеку главное — подлинный замысел. Эта книга — философское исследование новой природы авторства. Автор анализирует искусство мета-авторства и появление нового творца — Номо Conceptus. Книга для тех, кто мыслит и готов ответить: есть ли у вас идея, по-настоящему достойная воплощения?

Содержание

АННОТАЦИЯ	6
ABSTRACT	7
ВВЕДЕНИЕ.....4	8
ЧАСТЬ III. ДИКТАТУРА ПАРАДОКСА: АНАТОМИЯ	9
Глава 7. ГРАВИТАЦИЯ БАНАЛЬНОСТИ И ПРИРОДА	9
НЕЙРОСЕТИ.....44	
ЧАСТЬ IV. ЭПОХА МЕТА-АВТОРА: ЧЕЛОВЕК КАК РЕЖИССЕР И	10
ДЕМИУРГ	
ЭПИЛОГ. МАНИФЕСТ НОМО	11
CONCERTUS.....84	
БИБЛИОГРАФИЯ.....11	
88	
ВВЕДЕНИЕ	11
Глава 1. ТРАГЕДИЯ НЕВЫСКАЗАННОГО ГЕНИЯ	15
Глава 2. ОТДЕЛЕНИЕ ДУХА ОТ ПЛОТИ ТЕКСТА	19
Глава 3. СИНГУЛЯРНОСТЬ ЗАМЫСЛА	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Номо concertus. Творчество в эпоху машинного разума

Сергей Аверин

© Сергей Аверин, 2026

ISBN 978-5-0070-2249-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АВЕРИН СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

**НОМО CONCERTUS. АРХИТЕКТУРА ЧИСТОГО ЗАМЫСЛА И АЛХИМИЯ
СМЫСЛОВ В ЭПОХУ МАШИННОГО РАЗУМА**

Самиздат

2026

АННОТАЦИЯ

Мы стоим на пороге фундаментального сдвига в природе творчества — сдвига, сравнимого по масштабу с изобретением письменности. Генеративный искусственный интеллект разрушает многовековой барьер между замыслом и его воплощением, освобождая человека от тирании ремесленного труда и ставя перед ним вопрос, которого прежде невозможно было избежать: что именно ты хочешь сказать?

Эта книга — философское исследование того, как меняется природа авторства, мышления и интеллектуальной идентичности в эпоху, когда машина берёт на себя воплощение, оставляя человеку самое трудное и самое человеческое: подлинный замысел. Автор последовательно исследует природу замысла как концентрированного смыслового импульса, механизмы его взаимодействия с генеративными системами, искусство мета-авторской позиции и антропологию нового типа создателя — Homo Conceptus.

Книга адресована всем, кто создаёт, управляет и мыслит, — и кто готов честно ответить на вопрос: есть ли за желанием использовать инструмент подлинная идея, достойная воплощения?

ABSTRACT

We stand on the threshold of a fundamental shift in the nature of creativity — a shift comparable in scale to the invention of writing. Generative artificial intelligence is breaking down the centuries-old barrier between conception and realisation, freeing humanity from the tyranny of manual labour and confronting us with a question that was previously impossible to avoid: what exactly do you want to say?

This book is a philosophical exploration of how the nature of authorship, thought and intellectual identity is changing in an era when machines take on the task of realisation, leaving humans with the most difficult and most human aspect: genuine conception. The author systematically explores the nature of conception as a concentrated impulse of meaning, the mechanisms of its interaction with generative systems, the art of the meta-authorial position, and the anthropology of a new type of creator — Homo Conceptus.

The book is addressed to all who create, manage and think — and who are prepared to answer honestly the question: is there, behind the desire to use a tool, a genuine idea worthy of realisation?

ВВЕДЕНИЕ.....

ЧАСТЬ I. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧИСТОГО ЗАМЫСЛА: КОНЕЦ ЭПОХИ «ЧЕЛОВЕКА ПИШУЩЕГО».

Глава 1. ТРАГЕДИЯ НЕВЫСКАЗАННОГО ГЕНИЯ.....8

Глава 2. ОТДЕЛЕНИЕ ДУХА ОТ ПЛОТИ ТЕКСТА.....13

Глава 3. СИНГУЛЯРНОСТЬ ЗАМЫСЛА.....19

ЧАСТЬ II. ИСКУССТВО «СМЫСЛОВОГО ЗЕРНА»: ПРОМПТ КАК НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Глава 4. ХАЙКУ АБСОЛЮТНОГО СМЫСЛА.....25

Глава 5. АЛХИМИЯ РАСПАКОВКИ.....31

Глава 6. ОНТОЛОГИЯ ПУСТОТЫ И ТОЧНОСТИ.....37

ЧАСТЬ III. ДИКТАТУРА ПАРАДОКСА: АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В МАШИННОМ

Глава 7. ГРАВИТАЦИЯ БАНАЛЬНОСТИ И ПРИРОДА НЕЙРОСЕТИ.....44

Глава 8. КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС КАК ИСКРА ЖИЗНИ.....50

Глава 9. СВЯЩЕННЫЙ НАДЛОМ.....57

ЧАСТЬ IV. ЭПОХА МЕТА-АВТОРА: ЧЕЛОВЕК КАК РЕЖИССЕР И ДЕМИУРГ

Глава 10. КАСТИНГ ИДЕЙ И АРХИТЕКТУРА МИЗАНСЦЕН.....	63
Глава 11. НЕЙРОСЕТЬ КАК ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЛАБИРИНТ.....	70
Глава 12. ЭВОЛЮЦИЯ СОЗДАТЕЛЯ.....	77

ЭПИЛОГ. МАНИФЕСТ НОМО CONCEPTUS.....84

БИБЛИОГРАФИЯ.....

88

ВВЕДЕНИЕ

Есть один вопрос, который сопровождает историю человеческой мысли с того самого момента, как первый философ попытался записать свои идеи: почему между тем, что человек думает, и тем, что он создаёт, всегда пролегла такая пропасть? Почему величайшие замыслы нередко умирали, не успев родиться, — не потому что были ложны или слабы, а потому что их носители не владели инструментом воплощения? На первый взгляд — частный вопрос о природе таланта и мастерства. На самом деле — один из фундаментальных вопросов об устройстве человеческой цивилизации.

Сегодня этот вопрос перестал быть риторическим. Впервые за несколько тысяч лет у него появился практический ответ — и этот ответ меняет всё.

Мы живём в момент, когда барьер между замыслом и его воплощением начинает разрушаться. Не ослабевать, не становиться более преодолимым — именно разрушаться, фундаментально и необратимо. Этот процесс происходит не в философских аудиториях и не в футурологических манифестах. Он разворачивается ежедневно, в миллионах взаимодействий человека с инструментами генеративного искусственного интеллекта — в тот момент, когда кто-то, никогда не считавший себя писателем, впервые видит, как его сырая, неоформленная идея обретает плоть, структуру и язык. Это, вероятно, и есть революция — не та, которую объявляют на площадях, а та, которую замечают постфактум.

Чтобы понять масштаб происходящего, необходимо сначала честно взглянуть на то, от чего мы уходим.

Человечество на протяжении всей своей письменной истории строило грандиозную Вавилонскую башню ремесла. Каждая эпоха добавляла к ней новые уровни: правила риторики, законы жанра, нормы грамматики, каноны стиля, требования структуры. Башня росла и усложнялась — и постепенно превращалась в тюрьму для тех, кто не смог к ней приспособиться. Мастерство письма стало профессиональным цехом со своими порогами входа, экзаменами и иерархией. Чтобы твоё творчество было услышано, ты сначала должен был доказать, что умеешь правильно класть кирпичи. Иначе — молчи.

Проблема не в том, что великих идей было мало. Проблема в том, что большинство из них погибло на подступах к языку.

Изобретение книгопечатания радикально изменило способ распространения знаний и сам характер авторства: впервые в истории один человек мог обратиться к тысячам читателей одновременно, минуя посредников. Это был первый удар по монополии ремесла. Однако тиражирование текста не решило проблему его создания — барьер между мыслью и письмом никуда не исчез. Печатный станок дал крылья готовым текстам, но не помог тем, кто не умел их создавать.

Между тем природа самого этого барьера была описана задолго до эпохи цифровых технологий. Психологи и философы давно зафиксировали принципиальный разрыв между мыш-

лением и языковым выражением: мысль не просто выражается в слове — она совершается в слове. Между внутренней речью и внешней лежит сложнейший процесс трансформации, требующий навыка. Именно этот навык веками отделял тех, чьи мысли становились текстами, от тех, чьи мысли оставались безмолвными.

Однако если довести эту логику до конца, можно прийти к выводу, который прежде было невозможно сформулировать просто в силу эпохи: если процесс трансформации мысли в слово может быть технологически опосредован — это не обесценивает мысль, а освобождает её. Речь идёт не о замене когнитивного усилия, а о его переориентации: от операционального к концептуальному.

В когнитивной науке давно утвердилась идея о том, что мыслительные процессы человека вышли далеко за пределы индивидуального сознания и включают в себя внешние инструменты, среды и технологии. Записная книжка, калькулятор, поисковая система — всё это не просто вспомогательные устройства, а части расширенной мыслящей системы. Генеративный ИИ в этом контексте становится наиболее радикальным расширением разума в истории: впервые внешний инструмент берёт на себя не арифметику и не поиск, а самое сложное — синтез и оформление смысла. Это качественный скачок, несопоставимый ни с чем, что было прежде.

Между тем важно зафиксировать одно обстоятельство, которое часто ускользает в публичных дискуссиях об искусственном интеллекте. Разговор о том, «заменит ли ИИ человека», — это в некотором смысле неправильно поставленный вопрос. Он исходит из предположения, что человек в творческом процессе — это некий исполнитель, производитель текста, генератор объёма. Если это так, то да — ИИ справляется с этим быстрее, точнее и без усталости. Но если человек в творческом процессе — это прежде всего источник замысла, носитель уникального видения, архитектор смысла, — тогда вопрос о замене теряет смысл. Никакая машина не может заменить то, чего у неё нет по природе: подлинного переживания, когнитивного диссонанса, парадоксального соединения несоединимого — того, что мы называем человеческим опытом.

Именно здесь кроется самый важный и наименее очевидный парадокс нашего времени: генеративный ИИ не делает творчество менее человеческим. Он заставляет его стать более человеческим — очищенным от механического балласта, сосредоточенным на том, что человек умеет делать исключительно сам.

Тревога по поводу новых технологий возникала в каждую переломную эпоху. И каждый раз она отчасти была обоснована: те, кто не понимал логику новых инструментов, действительно рисковали стать их объектом, а не субъектом. Однако всякий раз эта тревога описывала переходный период — время, когда инструмент ещё не стал достаточно доступным и прозрачным, чтобы человек мог использовать его, не погружаясь в его механику. Сегодня мы вплотную подошли к моменту, когда это разграничение меняется: взаимодействие с ИИ становится настолько интуитивным, что программируемым оказывается не человек, а творческий процесс — и программирует его человек, формулируя уникальный замысел.

Это, конечно, не означает, что всё безоблачно. На этом пути существуют серьёзные риски, которые было бы безответственно замалчивать.

Первый и наиболее очевидный — риск иллюзии замысла. Человек, не обладающий подлинной идеей, может создать видимость её наличия: сгенерировать красиво оформленный, структурно безупречный, стилистически гладкий текст, за которым нет ничего, кроме шума. ИИ не различает глубокую мысль и ловко замаскированную пустоту — он одинаково хорошо упакует и то и другое. Это означает, что порог входа в «производство смыслов» снижается — но одновременно снижается и ценность поверхностного участия в этом производстве. Рынок текстов будет затоплен красивыми пустышками. И именно поэтому подлинный замысел — с его неудобными вопросами, парадоксами и противоречиями — становится редкостью и ценностью, а не нормой.

Второй риск — атрофия языкового мышления. Если человек полностью делегирует ИИ работу со словом, он рискует утратить тот самый инструмент, который обостряет мышление. Слово — это не просто упаковка мысли, это её среда. Практика формулировки, поиска точного выражения, построения аргумента — это когнитивные тренировки, которые нельзя полностью отдать на аутсорсинг без последствий для глубины мышления. Оптимальная модель взаимодействия с ИИ — это не замена языкового усилия, а его перераспределение: человек продолжает думать словами, но освобождён от обязанности превращать эти слова в объём страниц.

Есть и третий риск — более тонкий и оттого более опасный. Это риск стандартизации замысла. Если все пользуются одним и тем же инструментом, обученным на одном и том же массиве текстов, существует вероятность, что сами запросы к ИИ начнут тяготеть к шаблонным формулировкам — а значит, и к шаблонным результатам. Банальный запрос порождает банальный текст, каким бы технически совершенным он ни был. Противоядие от этого риска — и есть главная тема этой книги: искусство формулировки замысла, умение вложить в стартовый импульс подлинную человеческую уникальность.

Признавая все эти риски, нельзя не зафиксировать главное. Мы переживаем не просто технологическую революцию — мы переживаем антропологический сдвиг. Переход от человека пишущего, чья ценность определялась умением владеть ремеслом текста, — к человеку замысла, чья ценность определяется глубиной, точностью и уникальностью его идей. Это не метафора и не философская игра слов. Это описание реально происходящего процесса, который уже сейчас меняет рынки труда, культурные практики и сами представления о том, что значит быть автором.

Задача мыслителя в любую переломную эпоху — не описание существующего, а проектирование новых категорий для осмысления того, чего ещё нет. Именно это сейчас и происходит с самим понятием авторства: мы проектируем новую категорию — не писателя и не оператора машины, а архитектора смысла, для которого нейросеть является тем, чем кисть является для живописца: инструментом, без которого картина невозможна, но который ничего не определяет в замысле художника.

Итак, о чём эта книга?

Она о том, как изменилась природа творческого акта. О том, что концентрированный импульс замысла, вложенный человеком в запрос к ИИ, становится новой единицей творчества — и плотность, и качество этого импульса определяют всё. О том, почему человеческая способность к парадоксу, когнитивному диссонансу и нестандартной ассоциации становится главным конкурентным преимуществом в мире, где машина обеспечивает объём. О том, как меняется роль автора — от исполнителя к режиссёру, от ремесленника к куратору. И о том, почему всё это не угроза человеческому творчеству, а, возможно, самое радикальное его освобождение за всю историю цивилизации.

Эта книга не является техническим руководством по работе с нейросетями. Она не содержит инструкций, шаблонов и пошаговых алгоритмов. Она — философское исследование того, что происходит с человеком в момент, когда ремесло перестаёт быть барьером между ним и его идеей. Она задаёт вопросы, которые важнее любых ответов: что такое подлинный замысел, откуда берётся уникальность человеческого мышления, чем отличается глубокая идея от красиво упакованной пустоты — и почему сегодня, как никогда прежде, эти вопросы становятся не академическими, а практически важными для каждого, кто создаёт, управляет, принимает решения или просто думает.

Вавилонская башня ремесла падает. Это громко, неудобно и немного страшно. Но под её обломками открывается то, что она столетиями заслоняла: чистый горизонт уникального замысла.

**ЧАСТЬ I. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧИСТОГО ЗАМЫСЛА: КОНЕЦ ЭПОХИ
«ЧЕЛОВЕКА ПИШУЩЕГО»**

Глава 1. ТРАГЕДИЯ НЕВЫСКАЗАННОГО ГЕНИЯ

История человечества — это в значительной мере история того, что осталось несказанным.

Мы привыкли измерять цивилизацию тем, что было создано: текстами, теориями, открытиями, произведениями. Но есть другое измерение — то, что было задумано и не воплощено, то, что умерло между моментом озарения и моментом записи. Это измерение практически невидимо, потому что о несостоявшемся не пишут учебников. Тем не менее, именно оно, вероятно, определяло судьбу цивилизации не меньше, чем всё зафиксированное и сохранённое.

Представьте себе простую сцену, которая повторялась миллионы раз на протяжении истории. Человек держит в голове нечто важное — идею, наблюдение, прозрение, которое кажется ему значимым и верным. Он садится писать. И здесь начинается трагедия: слова не слушаются, структура рассыпается, мысль, такая ясная внутри, превращается в нечто косноязычное и плоское снаружи. Человек перечитывает написанное им и не узнаёт своей идеи. Между тем, что он хотел сказать, и тем, что получилось, — пропасть. Иногда он продолжает, переделывает, борется. Чаще — откладывает. Очень часто — бросает навсегда.

Это не история о лени или слабости характера. Это история о системном барьере, который существовал между человеческим замыслом и его языковым воплощением на протяжении всей письменной истории. Барьере, который мы настолько привыкли считать естественным, что не замечаем его.

Физиология нашего познания изначально вступает в жесточайший, почти неразрешимый конфликт с механикой традиционного писательства. Американский когнитивный лингвист Стивен Пинкер в своей фундаментальной работе «Языковой инстинкт» блестяще разрушил устоявшийся миф о том, что мы мыслим готовыми фразами. Пинкер утверждает: «Люди не думают на английском, китайском или языке апачей; они думают на языке мысли. Этот язык мысли, вероятно, имеет некоторое сходство со всеми этими языками... но по сравнению с любым данным языком он несколько богаче и несколько проще» [15, с.72—85]. Здесь имеется в виду концепция так называемого «мыслекода» (mentalese) — многомерного, мгновенного и голографического состояния сознания, в котором идея существует сразу целиком, со всеми ее внутренними связями и противоречиями. В таком случае, процесс написания текста — это всегда насильственная, болезненная редукция. Представляется возможным сказать, что автор берет сверкающий, многогранный кристалл чистого смысла и пытается протиснуть его через узкое, грязное горлышко линейной грамматики. Очевидно, что по пути кристалл царапается, тускнеет, а то и вовсе рассыпается в пыль из-за нехватки подходящих синтаксических конструкций. Или, другими словами, мысль умирает в попытках найти себе подходящую языковую одежду.

Психолог и исследователь творчества Михай Чиксентмихайи в своей книге «Creativity: Flow and the Psychology of Discovery and Invention» (1996) описал феномен, который он назвал «символическим доменом»: для того чтобы идея стала культурным фактом, она должна пройти через систему символов — язык, нотацию, визуальный код, — принятых в конкретной области знания или искусства [32]. Чиксентмихайи зафиксировал принципиально важную вещь: владение символическим доменом — это отдельный навык, никак не связанный с глубиной самой идеи. Иными словами, гений мысли и мастерство её передачи — это, в некотором смысле, два разных таланта, которые крайне редко совпадают в одном человеке в равной мере.

Это наблюдение, казалось бы, очевидное, влечёт за собой весьма неудобный вывод. Если вся история культуры строилась на отборе тех идей, носители которых владели символическим доменом, — значит, мы имеем дело не с историей лучших идей, а с историей лучше упакованных идей. Это не означает, что великие тексты человечества плохи или неглубоки. Это озна-

чает нечто другое и гораздо более тревожное: мы никогда не узнаем, сколько идей было глубже, точнее и важнее — но погибло, не найдя своего языка.

Проблема усугублялась ещё одним обстоятельством, которое редко обсуждается в контексте истории идей. Письмо как ремесло формировалось в условиях жёсткой институциональной фильтрации. В разные эпохи эту функцию выполняли разные институты: церковные скриптории, университетские кафедры, литературные академии, редакционные коллегии издательств. Каждый из этих институтов, естественно, имел собственные представления о том, какой текст достоин существования. Следовательно, барьер между замыслом и воплощением был не только техническим — он был ещё и социальным, культурным, идеологическим. Чтобы твоё творчество получило право на существование, ты должен был не просто уметь писать, но писать так, как принято в данном институциональном контексте, — соблюдать его жанровые нормы, стилистические ожидания, тематические приоритеты.

Французский социолог Пьер Бурдьё в «Правилах искусства» (1992) описал это устройство с безжалостной точностью, введя понятие «литературного поля» — пространства, в котором действуют специфические законы признания и легитимности, совершенно независимые от внутренней ценности самого произведения [5]. По Бурдьё, автор, не обладающий нужным культурным капиталом — образованием, связями, знанием правил игры, — обречён на невидимость вне зависимости от качества его идей. Это жёсткое, почти циничное описание, но оно фактически точно. Поле отбирало не лучшее, а наиболее совместимое с собой.

Можно заключить, что в сумме эти два барьера — технический (неумение писать) и институциональный (незнание правил игры) — создавали мощнейший двойной фильтр, через который история пропускала идеи. Этот фильтр был настолько мощен, что мы склонны принимать его результат за объективную картину интеллектуального богатства человечества. Между тем это лишь та часть картины, которую фильтр счёл достойной показа.

Здесь стоит сделать одно существенное уточнение, чтобы не впасть в избыточный романтизм. Далеко не каждая невысказанная мысль является гениальной только потому, что она невысказана. Очень многое из того, что люди не могли сформулировать, оставалось несформулированным по вполне понятным причинам: идея была сырой, противоречивой или попросту ошибочной. Барьер ремесла выполнял и определённую регулирующую функцию — требование овладеть языком заставляло автора додумывать, уточнять, проверять свою идею на прочность в процессе её формулировки. Выготский, как мы отметили во введении, был прав: мысль совершается в слове, а не только выражается им [7]. Это означает, что принудительное столкновение с языком иногда само по себе являлось инструментом углубления замысла.

Тем не менее, признание этого факта не отменяет главного тезиса. Речь идёт не о том, чтобы уничтожить связь между мышлением и языком, — а о том, чтобы перестать путать техническое владение языком с глубиной мышления. Это совершенно разные вещи, и смешение их в одно целое нанесло интеллектуальной истории человечества огромный ущерб.

Среди наиболее показательных примеров этого разрыва — история Никола Теслы, чьи идеи опережали не только технологии его времени, но и его собственные возможности их публично зафиксировать в виде систематического текста. Tesla был блестящим изобретателем и визионером, однако его теоретические рукописи нередко оставались незавершёнными и концептуально неоформленными — не потому что мысль была слаба, а потому что пространство между внутренним видением и внешним текстом оказывалось для него трудно преодолимым. Аналогично с этим работали многие учёные и мыслители, которые оставили после себя дневники, письма и заметки, значительно более живые и глубокие, чем их официальные публикации, — написанные по всем правилам жанра, но утратившие в процессе этой обработки живой нерв идеи.

Представляется возможным сказать, что история науки знает не только открытия, но и их тени — идеи, которые были высказаны слишком невнятно, чтобы быть услышанными, или не

были высказаны вовсе. Российский историк науки Семён Самойлович Илизаров в своих исследованиях о механизмах научного признания фиксировал: судьба научной идеи часто определялась не её истинностью, а риторической силой её предъявления аудитории. Идея, высказанная убедительно, получала шанс. Идея, высказанная невнятно, — нет, даже если по существу она была верна [10].

Сейчас этот принцип никуда не делся. Он по-прежнему действует — особенно в институциональных средах, с которыми работает значительная часть аудитории этой книги. Государственное управление, научная экспертиза, стратегическое планирование — всё это области, где качество идеи критически зависит от качества её формулировки. Очень часто именно недостаточная риторическая и текстовая обработка является причиной того, что сильное решение отвергается, а слабое, но красиво изложенное, — принимается. Это не просто эстетическая проблема. Это проблема управленческая и интеллектуальная.

Итак, именно здесь — в точке пересечения природы замысла и природы его воплощения — и возникает вопрос, который делает нашу эпоху принципиально новой. Что происходит, когда технический барьер между мыслью и текстом начинает разрушаться? Когда человек получает инструмент, способный принять его сырую, неоформленную идею и облечь её в язык — не вместо него, а вместе с ним?

Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. И здесь необходимо быть честными — и с читателем, и с самой темой. Разрушение технического барьера само по себе не гарантирует расцвета идей. Оно лишь снимает одно из препятствий. Если за этим препятствием нет ничего — нет подлинного замысла, нет реального вопроса, нет живой мысли, — то инструмент лишь умножит пустоту, сделав её более красноречивой. В некотором смысле это один из главных рисков эпохи: доступность средства воплощения может создавать иллюзию наличия замысла там, где его нет.

Но это — разговор о злоупотреблении инструментом. А нас интересует его законное применение. И здесь картина действительно впечатляющая.

Американский исследователь в области когнитивных наук и образования Кен Робинсон, чья книга «Out of Our Minds: Learning to be Creative» выдержала несколько изданий и стала одним из наиболее цитируемых текстов о природе творчества, настаивал на том, что образовательные системы исторически подавляли творческий потенциал человека, ориентируя его на воспроизведение стандартов, а не на генерацию нового. Система, заточенная под правильное выполнение заданий, неизбежно вытесняла тех, чей потенциал лежал в нестандартном видении, а не в технической безупречности исполнения. Робинсон называл это «эпидемией» — масштабной и системной потерей человеческого творческого ресурса [47].

Если принять этот диагноз — а оснований его отвергать немного, — то можно сделать вывод: то, что сейчас происходит с генеративным ИИ, является не просто технологическим событием, а своеобразным историческим исправлением. Первым реальным инструментом, который начинает компенсировать этот накопленный дефицит воплощения, — давая голос тем, чей замысел всегда был богаче их языковых возможностей.

Важно понимать, в чём именно состоит это «исправление». Речь не идёт о том, что ИИ думает вместо человека. Речь идёт о том, что ИИ берёт на себя операциональную часть процесса — превращение внутреннего в языковое, — освобождая человека для того, что у него получается лучше всего и что не может быть делегировано никакой машине: для подлинного замысла, для выбора вопроса, для определения того, что важно.

Между тем именно здесь возникает тонкость, которую необходимо зафиксировать с полной ясностью. «Замысел» — это не просто идея в общем смысле слова. Замысел — это идея, имеющая напряжение. Это мысль, которая что-то утверждает, что-то отрицает, что-то переосмысливает. Замысел без внутреннего конфликта — это не замысел, а наблюдение. Замысел без вопроса — это не замысел, а констатация. Именно поэтому снижение технического барьера не

означает автоматического появления замысла у всех, кто прежде был лишён инструмента. Оно лишь означает, что теперь между замыслом и его воплощением нет лишнего препятствия.

Это различие — между наблюдением и замыслом, между констатацией и вопросом — становится, пожалуй, ключевым различием новой эпохи. Именно оно определяет, кто в мире генеративного ИИ останется подлинным автором, а кто превратится в оператора красиво звучащих банальностей. Очевидно, что это различие не технологическое — оно антропологическое. Оно коренится в том, как человек относится к реальности: замечает ли он в ней противоречия, способен ли он удерживать вопрос достаточно долго, чтобы тот стал продуктивным, умеет ли он отличить важное от шумного.

Действительно, в этом свете история невысказанного гения приобретает новое измерение. Она перестаёт быть историей о несправедливости технического барьера — и становится историей о том, что теперь, когда этот барьер начинает падать, перед нами встаёт другой вопрос, более глубокий и более личный: а есть ли за барьером что-то, что стоило хранить? Есть ли у нас подлинный замысел — или только привычка жаловаться на отсутствие инструментов?

Это неудобный вопрос. Но именно он является отправной точкой для понимания того, о чём эта книга. Не о технологиях. О человеке. О том, что в нём есть, когда с него снимают всё лишнее.

Имеются основания считать, что мы находимся в начале эпохи, когда цивилизация впервые в своей истории получит возможность узнать ответ. Не в теории — на практике. Каждый раз, когда человек формулирует запрос к генеративной системе, он фактически отвечает на этот вопрос — своей глубиной или своей пустотой, своим парадоксом или своим клише. И это, вероятно, самый честный тест на наличие замысла из всех, что когда-либо существовали: инструмент воплощения наконец доступен — и теперь видно, что человеку действительно было что сказать, а что было лишь иллюзией невысказанности.

Глава 2. ОТДЕЛЕНИЕ ДУХА ОТ ПЛОТИ ТЕКСТА

Текст умирает дважды. Первый раз — когда автор жертвует замыслом ради грамматической правильности. Второй — когда читатель принимает красиво выстроенные предложения за свидетельство глубокой мысли.

Это не преувеличение и не риторический приём. На протяжении всей письменной истории человечества между духом идеи и плотью её текстового воплощения существовало фундаментальное противоречие, которое мы, как правило, предпочитали не замечать. Мы договорились считать, что хорошо написанный текст и глубоко продуманная идея — это почти одно и то же. Это, вероятно, самое дорогостоящее интеллектуальное заблуждение в истории культуры.

Чтобы понять природу этого заблуждения, необходимо вернуться к вопросу, который был поставлен в предыдущей главе: что такое текст по отношению к идее? Является ли он её верным отражением, её точным слепком — или лишь одним из возможных её воплощений, неизбежно что-то теряющим и что-то добавляющим от себя? Ответ на этот вопрос, в некотором смысле, определяет всё остальное.

Философская традиция, задумывавшаяся об этом, весьма богата и при этом на удивление единодушна в своём скептицизме. Платон в «Федре» устами Сократа высказал тревогу, которая кажется почти пророческой: письменность, по его мнению, создаёт лишь видимость мудрости, не передавая её сути. Написанное слово, в отличие от живого диалога, не может отвечать на вопросы, не может защитить себя, не может подстроиться под собеседника. Оно мертво в момент своего рождения [16]. Конечно, Платон не мог предвидеть, насколько далеко зайдёт эта проблема, — но направление его беспокойства оказалось верным.

Между тем проблема не исчерпывается статичностью записанного слова. Она глубже: сам процесс превращения живой мысли в текст неизбежно её трансформирует. Мысль многомерна, она существует одновременно в нескольких регистрах — эмоциональном, логическом, ассоциативном, телесном. Язык линеен. Он разворачивается во времени, одно слово за другим, одно предложение за другим. Упаковывая многомерное в линейное, мы неизбежно что-то теряем — и это не техническая проблема, которую можно решить лучшим словарным запасом. Это структурное ограничение самого инструмента.

Американский лингвист и философ языка Ноам Хомский в своих работах по генеративной грамматике показал, что языковая компетенция человека — то есть врождённая способность порождать и понимать грамматически правильные предложения — является отдельной способностью, не совпадающей с мышлением как таковым [22]. Хомский разграничивал «компетенцию» и «перформанс»: первое — это внутреннее знание языковой системы, второе — её реальное использование в конкретных ситуациях. Это разграничение, в некотором отношении, и есть точная формулировка той пропасти, о которой мы говорим: замысел принадлежит сфере мышления, текст — сфере перформанса, и переход между ними требует навыков, которые принципиально отличны от способности мыслить.

Итак, мы имеем дело с ситуацией, в которой два различных навыка исторически слились в один профессиональный стандарт — «умение писать». Этот стандарт включал в себя и глубину мышления, и техническое мастерство его языкового оформления, как будто бы они неразделимы. Практически вся система оценки интеллектуальной продукции — академической, управленческой, литературной — строилась на этом слиянии. Диссертация оценивается не только по содержанию, но и по оформлению. Доклад принимается не только за точность анализа, но и за убедительность изложения. Книга получает признание не только за идеи, но и за стиль.

С одной стороны, в этом есть определённая логика: неспособность сформулировать мысль может свидетельствовать о её недостаточной проработанности. С другой стороны, это

создаёт чудовищный перекосяк: тот, кто умеет красиво писать, получает системное преимущество над тем, кто мыслит глубже, но выражает себя хуже. Фактически, цивилизация ввела имущественный ценз на идеи, только вместо денег — риторическое мастерство.

Здесь стоит ввести различие, которое кажется мне принципиально важным для понимания того, что происходит сейчас. Назовём его различием между «текстом-носителем» и «текстом-самоцелью». Текст-носитель — это инструмент: он существует для того, чтобы донести идею, и его ценность определяется точностью и полнотой этой передачи. Текст-самоцель — это уже иное явление: он существует как самостоятельный эстетический или риторический объект, ценность которого отчасти независима от содержания. Большая часть профессионального письма в истории тяготела именно ко второму типу, даже когда декларировала первый. Академический язык, бюрократический стиль, журналистский нарратив — всё это в разной мере жанры, в которых форма начинает диктовать содержание, а не служить ему.

Немецкий философ Вальтер Беньямин в эссе «Автор как производитель» (1934) поставил радикальный вопрос о соотношении позиции автора и качества его текста: по Беньямину, техника письма неотделима от политической и социальной позиции пишущего, и подлинное авторство — это, в первую очередь, производственная позиция в системе культурных отношений [29]. Это, в некотором смысле, обратная сторона той же проблемы: Беньямин видел, что «как писать» определяет «что писать» — то есть форма не просто передаёт содержание, она его конструирует. Развивая эту мысль дальше, можно прийти к выводу, который Беньямин, вероятно, нашёл бы неожиданным: если форму берёт на себя машина, освобождается ли тем самым содержание — или оно, напротив, теряет свою конструирующую среду?

Это действительно важный вопрос, и он заслуживает честного ответа. Есть все основания полагать, что и то, и другое происходит одновременно — в зависимости от того, как именно человек взаимодействует с инструментом. Если человек делегирует машине форму, сохраняя за собой полный контроль над смысловым ядром — его замысел освобождается. Если он делегирует машине и форму, и содержание, превращаясь в пассивного потребителя генерированного текста — он теряет и то, и другое. Очень важно понимать: инструмент нейтрален, но его использование — никогда.

Аналогично с этим работает концепция «расширенного разума» Энди Кларка, упомянутая во введении: внешний инструмент становится частью когнитивной системы человека — но только в том случае, если человек активно управляет взаимодействием с ним, а не пассивно принимает его результат. Калькулятор расширяет математические способности только того, кто понимает, что считает и зачем. Для того, кто просто нажимает кнопки не понимая задачи, он ничего не расширяет — он создаёт иллюзию решения. Генеративный ИИ в этом отношении устроен ровно так же, только ставки значительно выше.

Между тем вернёмся к главному тезису этой главы. Что происходит, когда мы всерьёз принимаем идею о том, что текст — это не идея, а лишь её носитель? Какие следствия это влечёт для понимания авторства, творчества и интеллектуальной ценности?

Первое и наиболее очевидное следствие: авторство перестаёт определяться исполнением и начинает определяться замыслом. Это кажется банальностью — пока не начинаешь понимать, насколько глубоко наши институциональные практики построены на противоположном принципе. Академическая система защиты диссертаций, система публикации в рецензируемых журналах, система литературных премий — всё это механизмы, оценивающие прежде всего исполнение, и лишь через него — замысел. Иными словами, в некотором смысле мы оцениваем не то, что человек придумал, а то, насколько правильно он это записал.

Второе следствие более тонкое. Если текст — это носитель, а не самоцель, то критерий его оценки меняется радикально: не «насколько красиво написано», а «насколько точно передана идея» и «насколько сама идея значима». Это смещение критерия оценки — в сторону содержания и от формы — является, вероятно, одним из самых серьёзных культурных сдвигов,

которые несёт с собой эпоха генеративного ИИ. Потому что форму теперь может обеспечить машина — а значит, она перестаёт быть дефицитным ресурсом и, следовательно, перестаёт быть критерием ценности.

Далее стоит рассмотреть, что именно происходит с «плотью» текста, когда её производство делегируется машине. Здесь необходимо быть точным и избежать двух симметричных заблуждений. Первое заблуждение — что ИИ просто механически заполняет форму, не влияя на содержание. Второе — что ИИ полностью определяет содержание, превращая человека в пассивного наблюдателя. Реальность устроена намного сложнее.

Генеративные языковые модели, обученные на колоссальных массивах текста, действительно берут на себя техническую работу с языком: синтаксис, стиль, структуру, связность. Но при этом они неизбежно вносят в текст нечто своё — систему ассоциаций, характерных для обучающего корпуса, тяготение к наиболее вероятным продолжениям, определённые риторические паттерны. Это означает, что делегирование формы никогда не является полностью нейтральным актом: машина привносит в текст своё «среднестатистическое» представление о том, как должна выглядеть эта идея, — и это представление может как обогатить замысел, так и слегка его деформировать.

Именно поэтому взаимодействие человека с генеративной системой требует активной позиции куратора — постоянного сравнения того, что вышло из машины, с тем, что было задумано. Это не работа редактора в старом смысле слова — исправление ошибок и улучшение стиля. Это работа иного рода: проверка на соответствие смыслу, а не букве. Проверка на то, не подменила ли форма содержание в процессе воплощения.

Российский литературовед и семиотик Юрий Михайлович Лотман в своей «Структуре художественного текста» (1970) описывал текст как сложно организованный смысл, в котором форма и содержание неразделимы — форма сама является носителем значения. С точки зрения Лотмана, нельзя произвольно менять форму, не меняя смысл: каждый элемент структуры текста семантически нагружен [14]. Это глубокое наблюдение, и оно отчасти противоречит тому, о чём мы говорим — или, по меньшей мере, требует уточнения.

Логично утверждать, что Лотман прав применительно к художественному тексту, где форма действительно является смыслообразующим элементом. Но применительно к тексту как носителю идеи — научной, управленческой, аналитической — соотношение иное. Здесь форма должна служить содержанию, а не конкурировать с ним. И именно в этих областях — которые составляют основную интеллектуальную деятельность аудитории этой книги — делегирование формы машине является наиболее оправданным и наименее рискованным.

Тем не менее, даже в этих областях нельзя полностью игнорировать предупреждение Лотмана. Форма влияет на восприятие — и, следовательно, на то, как будет принята идея. Аналитический доклад, написанный в стиле художественной прозы, будет воспринят иначе, чем тот же доклад, написанный в стандартном академическом стиле, — даже если содержание идентично. Это означает, что выбор формы — даже когда её производит машина — остаётся решением человека, требующим осознанности и стратегического понимания контекста.

Здесь возникает, вероятно, одна из наиболее недооценённых компетенций новой эпохи: умение управлять формой через замысел. Это не умение писать в старом смысле — это умение задавать машине точные параметры нужной формы, понимая, как каждый из этих параметров влияет на восприятие идеи. Это, в некотором смысле, работа режиссёра, который не снимает фильм сам, но определяет каждый элемент его визуального языка. Такая работа требует глубокого понимания того, чего ты хочешь добиться — не только что сказать, но и как это должно восприниматься.

Очень важно зафиксировать один принципиальный момент, который часто остаётся в тени публичных дискуссий об ИИ. Разговор о том, что «машина пишет за человека», как правило, предполагает, что письмо — это главное творческое усилие, которое машина и присваи-

вает. Но это — устаревшее представление о природе творческого процесса. В действительности письмо, то есть технический акт перевода мысли в текст, является наименее творческой частью интеллектуальной работы. Наиболее творческие части — постановка вопроса, выбор угла зрения, обнаружение противоречия, синтез несовместимого — всё это происходит до того, как рука касается клавиатуры.

Это утверждение может показаться спорным — особенно тем, кто переживал опыт, когда мысль «рождалась» именно в процессе письма, неожиданно для самого пишущего. Такой опыт реален, и его нельзя игнорировать. Но необходимо отметить, что он свидетельствует не о том, что письмо порождает мысль, а о том, что сопротивление языкового материала иногда выступает катализатором мышления. Человек пишет, натывается на невозможность сформулировать что-то так, как хотел, — и это столкновение заставляет его думать глубже. Это важный механизм, и его не стоит недооценивать.

Однако сейчас этот механизм не исчезает — он трансформируется. Теперь катализатором становится не сопротивление языка, а сопротивление машинного результата: человек видит, что ИИ воплотил его идею слегка иначе, чем он задумывал, — и это несоответствие заставляет его уточнять, углублять, переформулировать замысел. Другими словами, когнитивное трение, которое прежде возникало между мыслью и словом, теперь возникает между замыслом и его машинным воплощением. Его природа та же — но форма иная, и, вероятно, более продуктивная: потому что теперь человек работает не с сопротивлением грамматики, а с сопротивлением смысла.

Именно здесь, на мой взгляд, находится ключ к пониманию того, почему генеративный ИИ не просто заменяет письмо — он изменяет природу интеллектуального труда. Фактически, он переносит точку максимального творческого усилия ближе к началу процесса — туда, где формируется замысел, — и одновременно создаёт новую точку напряжения в конце: кураторское усилие, сравнение воплощённого с задуманным, выбор из множества версий.

Между концом старого процесса и началом нового располагается важная зона, которую почти не обсуждают: зона освобождения от ремесленного долга. Исторически автор был обязан своей идее не только замыслом, но и трудом её воплощения. Этот труд мог занимать годы — и нередко поглощал столько энергии, что к моменту завершения текста автор уже не был тем человеком, который начинал его писать. Идея устаревала вместе с автором. Теперь этот долг снимается — и это не просто экономия времени. Это принципиальное изменение отношений между человеком и его идеей: замысел больше не требует от своего носителя жертвы годами жизни на его техническое воплощение.

Можно заключить, что именно здесь и происходит то, что я называю «отделением духа от плоти текста» — не как утрата, а как освобождение. Существо идеи — её смысловое ядро, её вопрос, её парадокс, её напряжение — наконец получает возможность существовать отдельно от неизбежных потерь при переводе во внешнюю форму. Точнее, потери остаются, но теперь ими можно управлять: видеть их, исправлять, уточнять — итеративно, в диалоге с машиной, а не в одиночном сражении с чистым листом.

Всё это, естественно, предполагает одно фундаментальное условие: наличие подлинной идеи, замысла, которые стоит отделять. Если за желанием «написать» нет реального замысла — освобождение от ремесленного труда не даст ничего, кроме более быстрого производства пустоты. Машина честна в этом отношении: она возвращает человеку именно то, что он ей дал, — только в большем объёме и с лучшим стилем. Это одновременно её главное достоинство и её главная опасность.

Именно поэтому переход от «текста как самоцели» к «тексту как носителю» — это не просто технологическое изменение. Это глубоко этическое и интеллектуальное требование к каждому, кто берётся за создание идей в новую эпоху: иметь что сказать прежде, чем нажимать

на кнопку. Это требование кажется очевидным — но практически оно является, вероятно, самым сложным из всех, что предъявляет нам новая реальность.

Следует предположить, что мы стоим на пороге эпохи, в которой текст как таковой перестанет быть главной единицей интеллектуальной ценности. Его место займёт замысел — сжатый, точный, напряжённый. Текст станет лишь одной из его возможных реализаций, наравне с другими формами воплощения. И в этом мире умение думать окончательно и бесповоротно разделится с умением писать — к облегчению первых и, возможно, к некоторому замешательству вторых.

Это разделение уже происходит. И следующий вопрос — о том, каким именно должен быть замысел, чтобы это разделение было оправданным, — является темой следующей части этой книги.

Глава 3. СИНГУЛЯРНОСТЬ ЗАМЫСЛА

Слово «сингулярность» в последние десятилетия стало модным до неприличия — и, как всякое модное слово, успело потерять значительную часть своей точности. Его применяют к технологиям, к экономике, к социальным системам, нередко имея в виду просто «что-то очень большое и непонятное». Тем не менее, в математическом и физическом смысле сингулярность — это точка, в которой привычные уравнения перестают работать, где старые описания реальности теряют силу и требуют замены. Именно в этом, строгом смысле слово применимо к тому, что происходит сейчас с природой творческого замысла.

Мы находимся в точке, где привычные уравнения авторства перестают работать.

Преыдушие главы описывали две стороны одного и того же процесса: сначала — историческую трагедию невысказанного гения, систему барьеров, отделявших замысел от его воплощения; затем — природу самого барьера, механизм отчуждения духа идеи от плоти текста. Теперь необходимо сделать следующий шаг и задать вопрос, который является, вероятно, наиболее неудобным во всём этом разговоре: когда барьер падает — что именно обнаруживается по ту сторону? Что такое замысел, освобождённый от обязательства воплощения? Как он устроен, чем измеряется и почему именно он — а не текст, не объём, не стиль — становится главной единицей интеллектуальной ценности новой эпохи?

Начнём с того, что кажется очевидным, но на самом деле весьма неочевидно. Замысел — это не идея. По меньшей мере, не просто идея. Идея в широком смысле слова — это любое ментальное содержание, любая мысль, любое наблюдение. Замысел же — это идея, приобретающая определённую внутреннюю структуру: напряжение, вектор, вопрос. Замысел всегда что-то утверждает вопреки чему-то другому. Он содержит в себе конфликт — пусть даже невидимый снаружи — между тем, как вещи выглядят, и тем, как они устроены на самом деле. Без этого внутреннего конфликта замысел остаётся наблюдением, заметкой, зафиксированным фактом — но не тем энергетическим зарядом, который способен организовать вокруг себя текст, исследование или управленческое решение.

Философ и логик Карл Поппер в «Логике научного исследования» (1934, рус. пер. 1983) сформулировал принцип, который, в некотором отношении, является точным описанием природы подлинного замысла: идея научна — а значит, ценна — только в том случае, если она фальсифицируема, то есть если существует хотя бы теоретическая возможность её опровержения. Идея, которую нельзя опровергнуть никакими обстоятельствами, не является идеей в строгом смысле — она является убеждением или догмой [17]. Перенося этот принцип из философии науки в более широкий контекст, можно заключить, что подлинный замысел всегда содержит в себе риск: он нечто утверждает достаточно конкретно, чтобы это можно было оспорить. Замысел без риска — это не замысел, а декларация.

Это различие — между замыслом и декларацией — становится, вероятно, одним из ключевых критериев новой эпохи. Генеративный ИИ одинаково хорошо умеет воплощать и то, и другое. Машина не различает живую идею и красиво сформулированное общее место — она оба превратит в убедительный текст. Именно поэтому освобождение от барьера ремесла обнажает человека: теперь видно, было ли за желанием «написать» реальное напряжение мысли — или только желание казаться человеком, у которого есть что сказать.

Здесь уместно обратиться к одному наблюдению, которое пока слабо отрефлектировано в исследовательской литературе о генеративном ИИ, но которое кажется мне принципиально важным. Назову его «эффектом зеркала». Когда человек формулирует запрос к языковой модели и получает в ответ развёрнутый текст, он впервые видит свою идею снаружи — воплощённой, объективированной, существующей независимо от него. Это переживание принципиально отличается от процесса самостоятельного письма, в котором автор одновременно явля-

ется и субъектом, и инструментом воплощения, и, как правило, теряет способность видеть свою идею с дистанции.

Фактически, генеративный ИИ создаёт то, что можно было бы назвать «внешним зеркалом замысла» — возможность увидеть свою идею глазами другого, причём другого, который владеет всем арсеналом языковых средств и культурных ассоциаций. Это переживание нередко оказывается весьма отрезвляющим: человек формулирует то, что казалось ему глубокой и оригинальной мыслью, — и получает в ответ текст, который выглядит именно так, как эта мысль выглядит со стороны. Иногда результат превосходит ожидания. Очень часто — обнажает банальность того, что казалось уникальным.

Этот «эффект зеркала» является, на мой взгляд, одним из наиболее недооценённых педагогических и эвристических инструментов нового времени. Он позволяет человеку в режиме реального времени проверять качество своего замысла — не через месяцы работы над текстом, а через минуты диалога с машиной. Это радикальное сокращение петли обратной связи между замыслом и его объективацией открывает возможности, которых прежде просто не существовало.

Между тем есть и обратная сторона этого зеркала, о которой необходимо говорить честно. Если человек видит в результате работы ИИ нечто лучшее, чем то, что он сам мог бы создать, — возникает соблазн принять это «лучшее» за свою идею, даже если машина в процессе воплощения слегка сместила её центр тяжести. Это тонкая, почти незаметная подмена — и именно она является одним из главных рисков делегирования формы. Человек начинает думать, что его замысел был именно таким, каким его воплотила машина, — хотя на самом деле машина предложила свою версию, немного другую. Постепенно граница между «моей идеей» и «идеей, которую мне вернула машина», размывается — и человек теряет ощущение собственного замысла как отдельной, суверенной реальности.

Противоядием от этого риска является то, что я предлагаю назвать «фиксацией ядра» — практикой предварительной записи замысла в его сырой, неоформленной форме до взаимодействия с ИИ. Не красиво, не структурировано, не в жанре, — но точно и честно: что именно я хочу сказать, в чём состоит конфликт, какой вопрос является центральным. Эта запись становится эталоном, с которым сравнивается машинный результат. Такой подход, в некотором смысле, возвращает нас к практике записных книжек великих мыслителей — к тому, как Достоевский фиксировал сырые идеи в черновиках, как Витгенштейн записывал философские наблюдения в дневниках, как Эйнштейн делал заметки, которые впоследствии стали теоретическими прорывами. Только теперь эта практика приобретает новый смысл: она защищает суверенитет замысла в условиях, когда инструмент воплощения стал слишком мощным и слишком убедительным.

Далее необходимо рассмотреть вопрос, который напрямую вытекает из сказанного: как именно формируется подлинный замысел? Что является его источником, и можно ли этот источник культивировать?

Психолог Тереза Амабайл в своих исследованиях о природе творчества, обобщённых в книге «Creativity in Context» (1996), выделила три компонента, необходимых для подлинного творческого результата: предметная компетентность (глубокое знание области), творческое мышление (способность видеть проблемы нестандартно) и внутренняя мотивация (интерес к самой задаче, независимый от внешнего вознаграждения) [26]. При этом Амабайл специально подчёркивала, что внутренняя мотивация является наиболее критичным из трёх компонентов: внешняя мотивация — деньги, признание, дедлайны — нередко подавляет творческую составляющую, даже если компетентность высока.

Это наблюдение приобретает новое измерение в контексте генеративного ИИ. Если техническое усилие воплощения делегируется машине — внешний стимул к этому усилию (дисциплина, профессиональная обязательность, страх перед чистым листом) ослабевает. Это

может казаться проблемой, однако, развивая логику Амабайл, можно прийти к обратному выводу: освобождение от технического усилия снижает роль внешней мотивации и, тем самым, создаёт условия, в которых внутренняя мотивация — единственное, что остаётся — становится основным двигателем творческого процесса. Иными словами, генеративный ИИ не просто освобождает от ремесленного труда — он меняет мотивационную структуру творчества, делая её более аутентичной.

Это весьма важный вывод, и он имеет практические следствия для всех, кто занимается интеллектуальной деятельностью в институциональных контекстах. Очень часто именно требование производить текст — регулярно, в объёме, в формате — является главным источником творческого выгорания. Когда это требование снимается или радикально облегчается, человек получает возможность вернуться к вопросу, который был исходным источником его интереса: зачем мне это нужно? Что я хочу понять? Что меня по-настоящему беспокоит?

Именно в этих вопросах — простых до неловкости, но крайне редко задаваемых всерьёз — и лежит источник подлинного замысла. Это, конечно, не означает, что замысел рождается легко или автоматически: путь от «меня что-то беспокоит» до «я понимаю, в чём именно состоит моя идея и почему она важна» — это работа, требующая когнитивного усилия, терпения и готовности к неопределённости. Но это — работа мышления, а не ремесла. И именно её невозможно делегировать.

Итак, что же такое сингулярность замысла — в том смысле, в котором это понятие используется в названии главы? Это момент, когда идея приобретает собственную гравитацию — когда она начинает организовывать вокруг себя всё остальное: аргументы, примеры, структуру, стиль. До этого момента идея является лишь потенциальностью — она могла бы стать чем угодно. После — она становится конкретной, единственной, именно этой. Сингулярность замысла — это переход от «у меня есть о чём подумать» к «у меня есть что сказать».

Этот переход, в некотором смысле, является самым трудным и самым важным в интеллектуальном процессе. Он требует от человека одновременно двух противоположных вещей: достаточной открытости, чтобы позволить идее развиваться в неожиданном направлении, — и достаточной определённости, чтобы зафиксировать её центр тяжести и не позволить ей растечься в бесформенную массу соображений. Это баланс, который нельзя автоматизировать. Это та точка, в которой человек является незаменимым — не потому что машина технически не справится, а потому что без человека просто нет субъекта, которому принадлежит идея.

Между тем здесь стоит поставить вопрос, который редко обсуждают в этом контексте: является ли замысел всегда индивидуальным? Или возможен коллективный замысел — и как он соотносится с инструментами генеративного ИИ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.